

Двое. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy Nikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chukovskiy Nikolai.ru/> приятного чтения!

Двое. Николай Корнеевич Чуковский

1

Ночью 13 марта 1942 года мой самолет, перелетев финский залив, падал, подбитый автоматчиками, в лес за линией фронта.

Я не испугался, – впрочем, я вовсе не хочу сказать, что я храбр. Я вообще за последнее время перестал испытывать чувство страха с прежней остротой – вероятнее всего от усталости и постарения. Все-таки мне уже сорок два года.

Перед войной у нас в гражданской авиации про меня говорили, что я вылетался. Так оно и было – я вылетался. Не то чтоб я ослабел или разучился летать, а просто полет перестал доставлять мне прежнее удовольствие. Тут, может быть, повлияли и некоторые мои печальные семейные обстоятельства. Человек я стал рыхлый, сидячий. Я подавал заявление в аэроклуб, просил принять меня на должность преподавателя аэронавигации – теоретический курс. Но настала война, и заявление я взял обратно. Вот и вожу на своем У-2 разный военный народ по всей Балтике.

В задней кабине у меня сидела женщина. Я представления не имел, кто она такая, не знал даже, какое у нее лицо. За пятнадцать минут до того, как меня сбили, мы, человек пять, шли в темноте по аэродрому к самолету, и с нами была женщина в платке и овчинном тулупе. Я знал, что мне нужно забросить в тыл немцам кого-то, но представления не имел, что мы полетим именно с этой женщиной, а потому к ней не приглядывался. И только когда она села в кабину, я спросил ее, прыгала ли она когда-нибудь раньше на парашюте. Но что она мне ответила, я не слышал, потому что винт уже крутился.

Когда над захваченной немцами землей сдало магнето, я испытывал не страх, а чувство неуютности и досады. Я слишком был занят в эти мгновения, я не успел представить себе, что со мной будет, но знал, что будет нечто хлопотливое, связанное со снегом, ночью, беготней. И, как назло, эта женщина, с которой тоже нужно возиться.

Я планировал. Немцы потеряли нас в темноте и стрелять перестали. Высота быстро падала. Через две минуты будет земля.

Я оглянулся. Женщина сидела на борту, опустив ногу за борт. Помню эту ногу, короткую, крепкую, в белом шерстяном чулке и большом башмаке. Я сразу понял, что она решила, будто мы долетели уже до того болота, где я должен был ее выбросить, и планируем, чтобы дать ей возможность прыгнуть.

– Садись! Назад! – закричал я.

Но она не расслышала, она решила, что я кричу ей: «Прыгай скорей!», и перекинула через борт вторую ногу.

А мы были уже совсем низко. Бесшумно пролетели мы над крышами деревни, стоявшей на берегу озера. В избах свет, по улице ползет автомашина. Я тянул, сколько мог, к югу, к озеру. Самолет ткнулся носом в снег и приподнял хвост. До деревни было не больше пятисот метров.

2

Тишина ночи охватила нас со всех сторон. И вот тут стало жутко. Тишина, оказывается, страшнее всего. Нужно как можно дальше уйти от самолета.

– Вылезай, – шепотом сказал я женщине.

Она освободилась от парашюта и стала вылезать. Вылезла она почему-то не в мою сторону, а в противоположную и оказалась за самолетом. Потом отошла шагов на десять и уставилась на меня, на самолет. Небольшая, она казалась широкой в своем тулупе. Лица ее я в темноте не видел.

Да и не старался увидеть. Я думал о том, как я пойду в своем темном комбинезоне по льду озера. Меня сразу заметят. Нужно прикрыться чем-нибудь белым, чтобы не так бросаться в глаза на снегу. Чем? И я взглянул на белый шелк парашюта.

Я решил укрыться парашютом, отрезав от него стропы. Я вытянул их, скрутил в жгут и спросил женщину:

– Нож есть?

– Зачем тебе нож? – спросила она.

Я понял, что нож у нее есть.

– Дай нож.

Она не сдвинулась с места. Руку она держала за пазухой, на груди.

– Дай нож! – повторил я, теряя терпение.

– Зачем тебе нож? Я сама отрежу, что нужно.

Тут только я начал догадываться. Она не поняла, что с нами произошло. То, что мне казалось ясным, простым, не требующим объяснений, было для нее непонятным и подозрительным. Не знала она, что если разбит картер и не работает магнето, летать нельзя. Вместо того чтобы сбросить ее на парашюте над условленным местом в болоте, я посадил ее на лед возле захваченной немцами деревни, где горят огни, движутся автомобили. Она смотрела на меня, незнакомого человека, и размышляла, кто я такой. А вдруг я – предатель?

Это не вызывало во мне ничего, кроме досады. Мне было все равно, что она думает. Скоро рассвет. Я торопился, я очень торопился, у меня не было времени спорить и объяснять.

– Режь! – сказал я, показав на стропы парашюта.

Она поняла, подошла, вынула из-за пазухи длинный финский нож и обрезала стропы. Помню, я подивился, до чего остер этот нож – стропы распались без всякого усилия от одного прикосновения.

– Давай бить самолет, – сказал я.

Она посмотрела на меня, но не сдвинулась с места. Рука ее снова была за пазухой – она, видимо, не выпускала ножа. Я не стал ждать и влез в кабину. С размаху ударил я палкой по приборам. Стекла приборов звякнули громко, как выстрел. Я замер, прислушиваясь, не в силах вздохнуть. Разбил радиостанцию, опять прислушался. Все тихо. Хорошо бы поджечь самолет. Но об этом нечего было и думать – огонь выдал бы нас сразу. Я взял из неприкосновенного запаса мешочек с сухарями, две банки консервов и прыгнул на лед.

Развернув шелк парашюта, я накинул его на себя и на нее. Она отпрянула, выскользнула. Я раздраженно объяснил ей, что под парашютом мы не так будем заметны. Она подумала, взяла край парашюта и накрыла им голову. Ростом она едва достигала до моего плеча. Она стала справа от меня, чтобы я не мог схватить ее за правую руку.

И мы пошли.

3

Пузырчатый шершавый лед трещал под ногами оглушительно. Я пошел на запад, потому что на западе зубчатый еловый лес был ближе всего. Я торопился, мне хотелось как можно дальше уйти от самолета, пока не начнет светать.

Вздрагивая при всяком хрусте, я шагал широко, и на каждый мой шаг приходилось два шага женщины, шедшей рядом со мной. Двигалась она очень легко, плавной походкой, и подымала гораздо меньше шума, чем я. Она вовсе от меня не отставала, но я, боясь погони, торопил ее и даже иногда пытался подтолкнуть, дотронувшись до ее спины под парашютом. Однако она не давала мне коснуться себя и всякий раз отскакивала в сторону.

– Я потеряла перчатку, – сказала она вдруг и остановилась.

– Идем, идем!

Мне было жарко, и я считал, что вполне можно обойтись без перчаток.

Но она вылезла из-под парашюта и пошла назад. Я остановился, глядя ей вслед. Избы были уже не видны, но я знал, что деревня близко. Я нетерпеливо топтался на месте; мне хотелось скорее оказаться в лесу. Я ненавидел ее в эту минуту.

Она шла не торопясь, опустив голову. Несколько раз она быстро обернулась и взглянула на меня. Удаляясь, она постепенно растворялась во тьме. Наконец она остановилась. Я не видел, как она нагнулась, мне даже казалось, что она не нагибалась вовсе. Я не видел ее лица, но мне чудилось, что она стоит и смотрит на меня. Это тянулось так долго, что я чуть было не крикнул. Но кричать было нельзя.

Она вернулась, и я спросил ее: «Нашла?» Она кивнула и накрылась парашютом. И мы пошли дальше.

Лес приближался быстро, вырастая зубцами во мраке.

– Куда ты собираешься пойти? – спросила она вдруг.

Я еще об этом хорошенько не думал, я хотел скорее дойти до леса.

– Мы пойдем на север, к морю, – сказал я. – Через море будем добираться к нашим.

Она ничего не ответила, да мне и не нужно было ее ответа. До леса оставалось шагов сто, не больше, он высокой черной стеной возвышался перед нами. Здесь, возле берега, лед стал совсем другой – гладкий, как на катке, без заструг. Мы скользили, мы двигались, почти не поднимая ног. Подошвы моих меховых унтов обледенели, и я едва удерживал равновесие. Несмотря на то что я торопился, женщина теперь обгоняла меня, и я едва поспевал за нею.

Я услышал тихий плеск, нежный, еле уловимый, но не успел подумать, что он означает. И меня с силой рвануло вперед.

Путь к берегу нам преграждала широкая полынья. Вероятно, здесь в озеро впадала незамерзающая речка. Женщина соскользнула в воду и уцепилась за парашют. Парашют потянул меня.

Я упирался изо всех сил, но мои ноги медленно скользили. Мне удалось было остановиться, и я схватил ее руку. Но сразу же снова начал скользить.

Она лежала ничком всем туловищем на льду, и только ноги ее были в воде. Она пыталась упереться в лед коленями, но кромка льда подламывалась, и колени уходили в воду. Она медленно соскальзывала, таща меня за собой.

Я тоже лег ничком на лед, и мы лежали друг против друга, держась за руки. Все тело мое было напряжено до боли, я упирался коленями и локтями. Иногда нам удавалось приостановить движение, и тогда мы лежали, боясь шевельнуться, и я чувствовал ее дыхание у себя на лице. Потом мы снова начинали медленно-медленно скользить, и борьба возобновлялась. Хуже всего было то, что я заметно слабел.

Вдруг я почувствовал, что она пытается освободить свои руки из моих рук.

– Отпусти меня, – сказала она.

Я не сразу ее понял.

– Отпусти меня и уходи.

Я вцепился в нее еще крепче, поднялся на колени, одним рывком вытащил ее из воды, упал на спину и опрокинул ее на себя.

Мы долго лежали у самого края, громко дыша. Нужно было ползти прочь от воды, но не было сил шевельнуться. Небо над нами бледнело, приближался рассвет. Я знал, что нужно идти сейчас же, иначе будет поздно, но только лежал и дышал.

Двое. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy@nikolai.ru

Потом я услышал, как у нее стучат зубы. Она вымокла до пояса, и теперь на морозе ее лихорадило.

– Пойдем, – сказал я и, пересилив себя, осторожно поднялся. – Если бы ты могла хотя бы переобуться.

– Я переобуюсь, – сказала она.

Она расстелила парашют и ощупала его. Парашют намок только с краю, большая часть его была сухая. Ловко и быстро отрезала она от него два куска, сделала портянки и, разувшись, перебинтовала себе ноги. Поверх портянок надела она свои чулки, выжав их. Потом вылила из башмаков воду и обулась.

– Ну, пойдем, – сказала она.

Мы снова накрылись парашютом и пошли.

4

Уже заметно светлело, а мы все еще были на льду озера. Мы шли вдоль полыньи, надеясь обогнуть ее и выйти на западный берег, но полынья не кончалась. Берег был совсем близко, и вершины елей отражались в еще по-ночному темной воде. Но добраться до него мы никак не могли, полынья все тянулась, и я стал думать, что она тянется вдоль всего западного берега во всю длину озера, до самого дальнего – южного – конца его. Если продолжать идти в этом направлении, мы будем на льду еще и тогда, когда станет совсем светло, и нас увидят сразу со всех берегов.

До восточного берега было гораздо ближе. Низкий, болотистый, он был почти незаметен ночью, когда мы сели на лед, но теперь, в утренних сумерках, я видел его хорошо. Я бы охотно свернул к нему, но, чтобы добраться до него, нужно было снова пересечь озеро как раз перед деревней.

Она заметила мою нерешительность и вдруг круто свернула прочь от полыньи, к восточному берегу. Я послушно пошел за ней.

Сумерки редели. Небо было облачно, но за облаками уже чувствовалось солнце. Деревня видна была вся, – засыпанная снегом, широкой подковой окаймляла она северный берег озера. Укрытые парашютом, мы шли не отрывая от нее глаз.

Там все было неподвижно. Даже у моего самолета никого, – я хорошо видел самолет, он стоял на льду между нами и деревней.

И вдруг со стороны деревни на лед озера спустилась лошадь, запряженная в дровни. Мы упали, прикрылись парашютом и замерли. Впрочем, я уже не сомневался, что нас все равно заметили, что едут за нами.

Лошадь двигалась медленно, шагом. Пройдя метров сто по направлению к нам, лошадь остановилась, и тут я увидел, что на дровнях – бочка. Баба ведром наливала в бочку воду из проруби.

Однако я поверил, что нас не заметили, только тогда, когда лошадь с бочкой въехала на косогор и скрылась за избами. Все это тянулось так долго, что зубы женщины, лежавшей рядом со мной, снова стали стучать. Когда мы попробовали подняться, оказалось, что мокрая юбка ее примерзла ко льду.

Было уже совсем светло, когда мы вышли на восточный берег. Парашют цеплялся за ветви редкой низкорослой ольхи и мешал нам идти. Мы его скинули; я сложил его и нес под мышкой. Я ужасно торопился, – мне хотелось как можно дальше уйти от озера, как можно скорее миновать эти жидкие ольховые заросли, которые почти не скрывали нас. Но на ногах у меня были широкие меховые унты, совсем не приспособленные для ходьбы, ноги проваливались в снег по колена, и двигался я не быстро. Теперь она все время опережала меня, хотя шла без особой торопливости.

Я видел впереди ее короткий овчинный тулуп горячего кирпичного цвета и серый головной платок. Меня поражало, с какой уверенностью выбирала она путь между кустов. У нее, видимо, не было никакой потребности советоваться со мной.

Наконец ольха кончилась и начались елки. Здесь нас не так видно. Она остановилась и обернулась ко мне.

– Теперь мы разойдемся, – сказала она.

Я не понял ее слов, да и не слушал их, потому что впервые увидел ее лицо.

Она была очень молода, моложе меня, по крайней мере, вдвое. У нее были широко расставленные глаза, казавшиеся сейчас темными, потому что здесь, под лапами елей, было сумрачно. Тонкая кожа на щеках и висках посинела. Маленький нос с круглыми ноздрями, две-три веснушки, крепко сжатые узкие губы, синие почти до черноты от холода и усталости.

– Ты пойдешь отсюда на север, к морю, – сказала она. – Ты собирался к морю. Я отдам тебе свой компас, я дойду и без компаса...

Холодный компас коснулся моих ладоней, и только тогда начал я прислушиваться к ее словам.

– Не дури, – сказал я. – Ты пойдешь со мной.

Она покачала головой:

– Я пойду туда, где ты меня должен был сбросить с самолета.

– Километров сорок до того места осталось, – возразил я. – И тебя сорок раз схватят прежде, чем ты дойдешь. И никого уже ты там не отыщешь. Они ждали тебя в том месте прошлой ночью. Ты не спрыгнула – и они ушли. Неужели ты думаешь, что они будут без конца тебя там ждать?

– Не знаю, – сказала она.

– И от моря мы будем там гораздо дальше...

– Все равно я должна идти туда, – сказала она. – А ты иди к морю один.

В сущности я должен был обрадоваться. Я ведь с самого начала был недоволен, что она со мной, я хотел быть один. Конечно, я очень мало верил в то, что можно дойти, но одному идти легче, чем с женщиной.

Однако, когда она вдруг повернулась и быстро пошла прочь, когда низко свисающие густые ветви елок стали скрывать ее от меня, я почувствовал стыд и обиду. Не могу же я ее здесь бросить! И почему это она старается от меня отделаться? И какое право она имеет мне не верить?..

Я побежал за ней.

– Я пойду с тобой, – сказал я запыхавшись.

5

Утопая в рыхлом, пригретом мартовским солнцем снегу, шли мы в глубь занятой врагом земли, чтобы встретить тех двух партизан, которые ждали ее в условленном месте. На том болоте, куда я должен был сбросить ее с самолета.

Я уже совсем потерял силы. Вытаскивал одну ногу, вытаскивал другую, – унты мои набухли от воды, застревали в снегу. Проваливаясь, я падал в снег. Под снегом – весенняя холодная вода.

Она шла впереди. Она тоже еле выволакивала ноги из снега, тоже поминутно падала, но, странное дело, я не мог догнать ее.

– Как тебя зовут? – спросил я ее.

Она не обернулась и ответила не сразу.

– Катерина Ивановна, – сказала она наконец.

Лучи сквозь ветки падали на снег, – весенние малиновые лучи. Капли на прутьях сверкали так ярко, что больно было на них смотреть.

Двое. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru

Мне хотелось пить. Я потел в своем жарком комбинезоне, потел снова и снова, и жажда мучила меня. Я совал в рот снег пригоршнями. Рот холодел от снега, но жажда не унималась. Словно костер разгорался во мне. Не было сил вытаскивать ноги из снега. После каждого шага я хватался руками за дерево, а если дерева не было рядом, я падал.

А кругом все сияло, небо за ветвями было высоко и ясно, снег голубел, набухая от влаги, мохнатые пушинки белели на красных прутьях вербы. Прогалинки между елками, потемневшие, а кое-где уже порыжевшие, были мучительно знакомы – совсем такие, как в детстве. Злость закипала во мне. Чем я провинился, что по такой знакомой и родной земле должен идти прячась, скрываясь, словно затравленный зверь?

Удивительно было то, что она шла все время впереди. Я старался догнать ее, но только отставал. Между тем я шел по ее следам, а она шла по цельному снегу. А ведь я был гораздо сильнее ее; и падала она чаще меня, падала неловко, неожиданно. Но сразу, не теряя ни мгновения, вставала на четвереньки, подымалась, делала два-три шага и снова падала. И снова подымалась.

Иногда она останавливалась, поджидала меня и требовала у меня карту. У меня была карта-километровка, вклеенная в обложку записной книжки. Она раскладывала карту на снегу, поверх клала компас и ждала, когда стрелка успокоится. Потом отдавала мне карту, совала компас за пазуху, и мы шли дальше.

Один раз, сильно обогнав меня и поджидая, она, вместо того чтобы отдохнуть, наломала веток и подвязала их к ногам. Когда я подошел к ней, на ногах у нее были широкие веники; она снова пошла вперед, и веники эти не давали ей проваливаться в снег. Их облепило мокрым снегом, и они стали тяжелы, как кандалы, как гири. И все-таки она шла, шаг за шагом, и падала реже, и я еще больше отставал от нее.

Я уже много раз просил ее остановиться и отдохнуть. О погоне я больше не думал, я ни о чем больше не думал, я слишком изнемог, мне было все равно, лишь бы лечь. Но она делала вид, что не слышит моих просьб. Она шла вперед, тяжело переставляя ноги с облепленными снегом вениками. И я брел за нею.

Когда солнце опустилось за деревья, я лег в снег и сказал, что дальше не пойду.

– Мы уже почти дошли, – уверяла она.

Но я не двинулся.

Я думал, что она пойдет одна.

Зачем я ей?

Я ей совсем не нужен.

Но она остановилась.

– Хорошо, отдохнем, – сказала она.

И тоже легла в снег.

Я лежал, раскинув руки и ноги, и смотрел на пылавший за голыми ветвями закат. Мне было жарко, я лежал и сосал снег. Я ни о чем не думал, мне было все равно. Мне казалось, что нет такой силы на свете, которая могла бы сдвинуть меня с места.

Но скоро я начал зябнуть. Огромное красное солнце опускалось меж стволов все ниже, и кругом холодело. Ночь будет морозная. На мне все было мокро насквозь от пота и снега, и все замерзло. Я опять услышал, как у нее стучат зубы. Ей было еще холоднее, чем мне.

Она вдруг вскочила и встряхнулась. Видя, что я все еще лежу, она занялась своими ногами. Она отвязала облепленные снегом веники, нарезала ножом колья и стропами парашюта подвязала их к ногам. Дрожа от холода, я лежал и смотрел, как она работает. Я заметил, что кольев она наготовила вдвое больше, чем ей было нужно.

Двое. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy Nikolai.ru

Самые длинные и крепкие она оставила для меня. Не знаю, что заставило ее так поступить – желание позволить мне полежать несколько лишних минут или боязнь дать мне в руки нож. Возможно, и то и другое.

Не в силах больше мерзнуть, я поднялся и подвязал колья к ногам. И мы пошли. Минуту назад я не верил, что когда-нибудь в состоянии буду снова идти, однако шел. Она опять шагала впереди. Колья, подвязанные к ногам, хорошо держали нас на поверхности снега, мы больше не проваливались и падали реже.

Закат охватил полнеба, уже темнело. Синие сумерки ползли по лесу. Я шел без единой мысли, как во сне, но все-таки шел. Где-то здесь, вон за этими березами, белеющими в сумерках, или вот за теми, болото, где ждут нас два человека, которые что-то нам скажут, куда-то поведут. Я не знал, что это за люди, не знал, что они нам скажут, но хотел как можно скорее дойти и увидеть их, потому что, когда я увижу их, кончится этот путь и начнется что-то новое.

Я уже давно отстал от Катерины Ивановны, я уже не старался догнать ее, и она больше не останавливалась, чтобы подождать меня. Я шел по ее следу. Изредка, когда лес редел, я смутно видел ее в полутьме далеко впереди.

Потом я услышал низкий протяжный свист. Если бы я не так устал, я испугался бы. Но душа моя одеревенела от усталости, и я продолжал равнодушно брести по следу. Свист повторился. Я вышел из-за берез и увидел мою Катерину Ивановну посреди занесенной снегом полянки. Она стояла одна и свистела, засунув в рот четыре пальца.

Ей никто не ответил.

Она дождалась меня и, когда я подошел к ней, сказала:

– Никого.

И я понял, что это и было условленное место.

– Они ждали меня прошлую ночь и ушли, – объяснила она.

И показала мне примятый снег, где они сидели, и следы их лыж.

Значит, я был прав.

– Что же делать? – спросил я.

– Ночевать, – ответила она.

6

Я сидел на пне. А она приготовила себе постель. Она нарезала еловых веток, разложила их на снегу и легла на них.

Мокрый, я сразу замерз. Если бы можно было зажечь костер, обсушиться, выпить кипятка. Но о костре нечего было и думать. Меня трясло, я не мог больше сидеть. Нужно было ложиться.

Без ножа нельзя нарезать веток, и я приготовил себе постель по-иному. Я повесил парашют между двумя деревьями, как гамак. В гамаке лучше спать, чем на еловых ветках. Мне показалось, что она, лежа, наблюдает за мной, и я подошел к ней.

Лихорадка била ее – зубы стучали, плечи ходили ходуном. Она смотрела на меня темными блестящими глазами.

– Катерина Ивановна, – сказал я, – ложись в парашют.

– А ты? – спросила она.

– Я тоже лягу, нам вдвоем будет теплее.

Она ничего не сказала и, видимо, думала. Она казалась мне удивительно маленькой и легкой. Я бы поднял ее и отнес на гамак, но она была не из тех, кем можно распоряжаться. Еще, чего доброго, полоснет ножом, если я дотронусь до нее.

Вдруг она встала, пошла к гамаку и легла.

– Ложись, – сказала она.

Я лег рядом с ней, закрыл глаза, и на несколько минут чувство покоя и уюта охватило меня. Я ощущал у себя на щеке ее горячее дыхание. Она лежала неподвижно, и я осторожно открыл глаза, чтобы посмотреть, спит ли она. Нет, она не спала. Она ждала, когда я засну, и руку держала за пазухой. Там у нее был нож.

Неужели она все еще мне не доверяет?

И все же она заснула первая. По ее дыханию я скоро понял, что она уже спит. Голова ее лежала у меня на плече, и я смотрел ей в лицо. Губы ее слегка раскрылись, брови поднялись, и все лицо ее во сне было удивительно детским, мягким и простодушным. Я старался не шевелиться, чтобы не мешать ей, и сам провалился в сон.

Проснулся я оттого, что у меня замерзли ноги. Далекие холодные звезды висели над лесом. Ночь была ясная и морозная. Пальцы ног болели, словно их прижгли. Когда я шевельнулся, смерзшаяся одежда зазвенела на мне, как стеклянная.

Я вывалился из гамака и чуть не закричал от боли, с трудом держась на замерзших ногах.

Я посмотрел на нее и испугался. Мне показалось, что она не дышит. Изморозь была у нее на щеках. Но когда я толкнул ее, она сразу открыла глаза. Я помог ей вылезти из гамака, и она села в снег. У нее так замерзли ноги, что она не могла стоять.

– Прыгай! – сказал я ей. – Прыгай!

Я сам прыгал и бил себя руками по бокам. Лицо ее едва видно было во мраке, но все-таки я разглядел, как она мне улыбнулась – грустно и жалко.

Она заставила себя встать и тоже начала прыгать. Мы долго прыгали в снегу. Мы прыгали до изнеможения.

Мы не согрелись по-настоящему, нас просто повалила усталость. Мы рухнули в гамак и снова уснули.

Это была самая длинная ночь в моей жизни. Каждый час мы просыпались, вскакивали и прыгали. И снова сон валил нас. Просыпаясь, мы замечали, что созвездия над нами в ветвях слегка передвинулись. По движению созвездий мы знали, что движется ночь. Мы молча прыгали и прыгали под медленно движущимися созвездиями. У меня было только одно желание – чтобы ночь эта кончилась.

Мы проснулись в последний раз, когда лучи вдруг брызнули из-за горизонта, пронизав лес. Ночь изнурила нас, но мы были счастливы, что снова можно идти.

– Куда ты пойдешь? – спросила она.

Я удивился:

– Туда, куда и ты. На север, к морю.

– Нет, я не пойду, – сказала она. – Иди один.

– Ты хочешь остаться и ждать их здесь?

Она молчала.

– Это подло, что ты мне не веришь! – закричал я неожиданно для самого себя. – Понимаешь, подло!..

Она смотрела на меня устало и мягко.

Двое. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru

– Нет, ты не понимаешь, – сказала она. – Здесь есть еще одно место, до которого я хочу дойти, но ведь их и там, наверно, не будет. Зачем же ты со мной? Ты бы шел к морю, пока у тебя есть силы..

– А ты для чего останешься, если почти наверняка знаешь, что никого не найдешь?

– Надо попробовать.

Я уже знал, что ее не переубедишь.

– Ну, а потом? – спросил я. – Если опять не найдешь? Что ты будешь делать дальше?

Она, видимо, еще и не думала об этом.

– Не знаю, – сказала она. – Посмотрим. Тоже, наверно, пойду к морю..

– Так вот что, – сказал я. – С тобою я не расстанусь. Пойдем всюду вместе.

7

Опять сияло солнце, и таял снег, и колья, привязанные к моим набухшим растрепанным унтам, путались в кустах, и я падал и вставал, и пар валил от моей мокрой одежды, и мне было жарко, как в бане, и жажда томила меня, и я поминутно глотал снег. Мне было жарко, а Катерине Ивановне холодно. Ее знобило по-прежнему, как ночью, и она не могла согреться.

– Да ты заболела, Катерина Ивановна!

– Вот еще! – отвечала она так, будто этого и быть не могло.

Она шла впереди среди солнечного блеска, среди сияющих капель на голых прутьях, падала, вставала и шла. Но трясло ее все сильнее. Иногда она взглядывала на меня своими светлыми, дневными глазами – ночью глаза у нее были темные, – но мне казалось, что она не видит меня, не узнает. Несколько раз я просил ее отдохнуть. Она не отвечала.

– Да ты слышишь меня, Катерина Ивановна?

– Слышу, слышу..

И шла вперед.

Так шли мы весь день. И солнце опять опустилось за сучья, и опять голубоватым сумраком стал наполняться лес. И в этом сумраке она скользила между стволами, как странная тень.

Потом она вдруг села в снег. Сделала попытку подняться и не смогла.

Я подошел к ней.

– Придется посидеть немного, – сказала она. – А ты иди. Иди один. К морю. Иди, иди. Ведь ты пропадаешь со мною!

Она опустила голову и сидела не двигаясь. Я не двигаясь стоял перед нею. Шло время, смеркалось. Я все ждал, что она скажет что-нибудь. Опущенного лица ее я не видел и не знал, спит ли она, или думает, или уже умерла.

Потом она подняла на меня темные свои глаза и спросила удивленно:

– Ты еще не ушел?

– Я без тебя не пойду, – сказал я. – Я посажу тебя в парашют и повезу, как на салазках.

Она протянула левую руку и взяла меня за палец. У нее была маленькая, мягкая и очень горячая рука.

8

Двое. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru

Надвигалась ночь, и я оглядывался, ища, где бы повесить наш парашютный гамак. Но мы остановились на неудачном месте. Кругом были только тонкие прутья ольхи, они не выдержали бы нашей тяжести.

Нужно было идти дальше, и я собирался взять ее на руки и понести. Однако я так устал, что все откладывал это неизбежное усилие с минуты на минуту и продолжал стоять над нею.

Вероятно, я дремал стоя.

Потом мне стало холодно, и я очнулся. Уже совсем стемнело, ночь опять была звездная. Я нагнулся над нею, чтобы поднять, но она сразу открыла глаза, едва я до нее дотронулся. Я сказал ей, что нужно повесить гамак. Она не хотела, чтобы я ее нес, и резким движением отстранила мои руки. Потом быстро встала и пошла сама.

Она сразу опередила меня, и я еле поспевал за нею. Пройдя метров двести, она указала мне место, где повесить парашют. И уснула мгновенно, чуть только легла в него.

Она разметалась, тулуп на ней расстегнулся, а между тем ее трясло. Я стал застегивать на ней тулуп, и вдруг рука моя ощупала под тулупом что-то твердое, металлическое. Три гранаты Ф-1, согретыe горячим ее телом, висели под тулупом на поясе.

Я лег рядом с нею и удивился, до чего она горяча. Дыхание ее обжигало мне лицо. Она беспрерывно дрожала.

А я сразу заснул.

Спал я, вероятно, довольно долго, потому что проснулся ооченелый до того, что не мог пошевелиться. Я выкатился из гамака в снег и, когда подымался на ноги, услышал свой собственный стон. Преодолевая боль, я снова долго плясал и размахивал руками.

Потом я вспомнил о ней, испугался, что она замерзнет, и принялся ее будить. Она опять очнулась при первом моем прикосновении. Прыгать она, видимо, не могла, а просто прохаживалась взад и вперед у гамака. А я прыгал и прыгал, и сердце прыгало во мне, и деревья прыгали вокруг меня, и звезды прыгали надо мной.

Она села на бревно, лежавшее в снегу, и я, напрыгавшись, сел рядом с нею. Ложиться в гамак я уже не решался. Стоило только заснуть, и ноги снова замерзнут. Надежду на сон нужно было оставить.

Я сидел на бревне, со всех сторон окруженный лесом, тьмой, тишиной огромной морозной ночи, и думал, что вообще пора оставить всякую надежду. В возможность перейти по льду через залив я, по правде говоря, не верил с самого начала. Есть, быть может, такие люди, которые перешли бы, но только не я, я не такой, я слишком хорошо себя знаю, – разве лет пятнадцать тому назад, а теперь, прежде чем я дойду, я сорок раз решу, что лучше лечь в снег и замерзнуть.

О будущем я не думал. Мысли мои, обрывочные и случайные, тянулись назад, в прошлое. Как счастливо жил я, как добры были ко мне все. Теперь мне показалось, что всю свою жизнь был я окружен лаской и доброжелательством, никто никогда не желал мне зла, под каждый шаг мой был подстелен мягкий пух нежности и дружбы. Я вспомнил лицо своей прежней жены, с которой мы пятнадцать лет мучили друг друга и наконец разошлись года за два до войны. Но оказалось, что в эту ночь мне слишком больно вспоминать о жене...

Мне вспоминались всякие пустяки. Берег реки в июле и я, лежащий на траве на самом припеке; голый, покрытый потом, прогретый до костей, я собираюсь лезть в воду. Нет, не надо реки, в воде все-таки холодно; я вспомнил горячую зеленую скамейку в городском саду, и раскаленный гравий на дорожках, и тяжелых медлительных шмелей в кусте шиповника.. Нет, сад тоже недостаточно горяч, может подуть ветер и сразу станет прохладно.

И вдруг я вспомнил баню у нас на аэродроме, нашу баню, и как я лежу на полке и стону оттого, что мне так горячо. И все горячо вокруг меня, и горячий воздух

Двое. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy@nikolai.ru
входит внутрь, обжигает легкие, а я все кричу: «поддай, поддай!» И вспомнил я, что в тот самый день, когда я вылетел с этой женщиной, в последний мой день, меня звали в баню, и я отказался, и теперь мне так жалко было, что я отказался...

Я взглянул на нее. Она сидела рядом со мной в темноте – темная, маленькая и неподвижная. И внезапно я испытал к этой незнакомой Катерине Ивановне такую нежность, какую никогда еще не испытывал ни к кому на свете, и слезы выступили у меня на глазах.

Кроме этой больной замученной девочки с тонкими косточками и опухшими губами, подозрительной, упорной, беспредельно верной, своему долгу и такой же несчастной, как я, не осталось у меня ничего. Она мне о себе не сказала ни слова, но я давно уже догадывался, как сломлена она неудачей, как нестерпима для нее мысль, что она не выполнит того, ради чего ее послали.

Она сурово обращалась со мной, подозревала, что я враг, но я давно уже не был на нее за это в обиде. Да и подозревала она меня, вероятно, только вначале, а теперь просто не может мне простить, что из-за меня, из-за несчастья с моим самолетом, ее одолела неудача. И как мне мило было в ней все это, как дорого, как я благодарен был ей просто за то, что она живая, своя, из одной со мной страны, сидит вот здесь рядом, на бревне.

Комок снега сорвался с еловой ветки, упал ей на голову, рассыпался по шерстяному платку, по плечам. Она не двинулась. И опять мне стало страшно, что она умерла. Так страшно, что я не решался окликнуть ее, толкнуть. Я сидел рядом с ней, неподвижной, обсыпанной снегом, и не дышал.

– Катерина Ивановна...

Она не шевельнулась.

Я схватил ее за плечо.

Она открыла глаза.

9

Мы отчетливо слышали звук шагов. Хруст снега под сапогами.

Короткая тишина, и опять тот же звук. Тишина. И снова пять-шесть шагов.

И мне вдруг смутно припомнилось, что звук этот я слышу очень давно, что, занятый своими мыслями, я просто не обращал на него внимания, пока не разбудил Катерину Ивановну.

Пригнув голову, я вслушивался, куда направляются шаги. Но шаги никуда не направлялись. Звук повторялся, казалось, на одном и том же месте.

Пять-шесть шагов. Тишина. Пять-шесть шагов. Тишина.

Мне стало жарко.

Я осторожно поднялся с бревна и беззвучно двинулся навстречу шагам. Широколапая ель загрохивала мне дорогу. Я обошел ее и остановился.

За стволами и сучьями я разглядел что-то большое, темное. Мне показалось сначала, что это дом. Нет, не дом. Это высокий железнодорожный мост через ручей. Мы, усталые, остановились на отдых возле самой железнодорожной насыпи и не заметили этого.

Я снова услышал шаги. Хруст, хруст, хруст по снегу, неторопливо и спокойно, совсем недалеко, возле моста. И увидел немецкого солдата в шлеме, с автоматом в руках. Это был часовой, охранявший мост.

Я долго стоял, боясь шевельнуться. Часовой медленно прохаживался вдоль моста. На фоне темных деревянных устоев я его не видел. Но когда он доходил до конца своей дорожки и останавливался, чтобы повернуть назад, я отчетливо видел его на снегу.

Это был рослый, сгорбленный человек, – он ежился от холода. Я стоял в двадцати

Двое. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy.nikolai.ru шагах от него, и каждое мгновение он мог заметить меня. Но он снова появлялся на фоне снега и снова пропадал, меня не замечая.

Я стал тихонько уходить за ель. Снег оглушительно шумел у меня под ногами, трещали задетые мною ветки, и я всей спиной ждал автоматной очереди. Но автоматной очереди не было, и я обошел ель и увидел гамак, и бревно, и Катерину Ивановну.

Она по-прежнему сидела на бревне. Я схватил левой рукой все, что попало, – парашют, колья, которые мы привязывали к ногам, мешочек, в котором оставалось еще несколько сухарей, – а правой рукой ухватил ее за руку и побежал прочь по снегу, волоча ее за собой.

Она не понимала, что случилось, и слегка упиралась. Но я бежал и бежал, не чувствуя никакой усталости и таща ее, как вещь.

– Кого ты видел? – спросила она шепотом.

Но я с таким испугом дернул ее за руку, что она замолчала. Я бежал и бежал. Я падал, заставляя ее падать вместе с собой, вскакивал и снова бежал.

10

Наконец она вырвала свою руку и села в снег.

– Бежим, бежим! – уговаривал ее я.

– Куда?

Я и сам не знал куда. Все равно. В лес, подальше от железной дороги.

Но она обхватила руками ствол осины, чтобы я не мог потащить ее дальше.

– Что ты видел? – спросила она.

Я нетерпеливо ответил ей, что видел железнодорожную насыпь, мост, часового.

– Вставай! Бежим!

Но она продолжала сидеть. Глаза ее блестели в сумраке.

– Дай карту.

Она хотела понять, как это мы попали к железной дороге.

Я стал поспешно искать карту.

– Она осталась на бревне, – сказал я.

В первое мгновение я не очень огорчился, что забыл карту. Все казалось мне неважным сравнительно с необходимостью уйти подальше в лес. Потом вдруг я испугался, что, найдя на бревне карту, немцы догадаются, кто здесь был, и пойдут по нашему следу. И заторопился еще больше.

– Пойдем! Пойдем!

Она поднялась и стала привязывать к ногам колья. Обрадованный, что она собирается идти, я тоже привязал к ногам колья.

– Куда ты?

Вместо того чтобы идти дальше в лес, она быстро пошла назад к бревну, к часовому.

– Нам нужна карта, – сказала она.

Я едва поспеивал за нею, уговаривал ее остановиться, вернуться, идти со мной, но она не обращала на мои слова никакого внимания, словно не слышала, и продолжала идти по нашему следу легко и поспешно.

Удивительно, как далеко я успел убежать. Обратный путь к бревну показался мне бесконечно долгим. Стараясь поспеть за нею, я часто падал, и от этого еще больше отставал. Я уже почти потерял ее из виду, когда она вдруг остановилась и подождала меня.

– Оставайся здесь, – сказала она.

– А ты?

– Я пойду одна.

– Нет, уж лучше я сам схожу за картой...

– Стой здесь! – приказала она.

И я повиновался.

Я остался один.

В тишине ночи я долго-долго слышал ее удалявшиеся шаги. Потом я перестал слышать их, но не оттого, что она ушла слишком далеко, а оттого, что она остановилась. Прислушиваясь, я теперь слышал совсем другие шаги, тоже мне хорошо знакомые, – шаги часового.

Пять-шесть шагов. Тишина. Пять-шесть шагов. Тишина. Я слушал, приоткрыв рот, не двигаясь, не дыша.

И вдруг взрыв разорвал тишину. И воздух дрогнул, и гулкое эхо прокатилось по лесу.

От неожиданности я со всего роста упал в снег.

Но сразу вскочил. Я не знал, что случилось с Катериной Ивановной, но был убежден, что случилось что-то страшное. Со всех ног побежал я по ее следу к бревну.

Пробежав шагов тридцать, я увидел ее. Она шла мне навстречу.

– Вот, – сказала она, протягивая мне книжечку с картой.

Я смотрел в ее расширенные блестящие глаза. Губы ее мелко дрожали.

– Он увидел меня, но я убила его гранатой, – сказала она.

11

Возбужденная, она шла легко и быстро. От чудовищной слабости, охватившей ее вечером, не осталось и следа. Несколько часов назад она почти умирала, а сейчас она опять довела меня до изнеможения, и я умолял ее остановиться.

Мы шли весь остаток ночи, шли на рассвете, шли, когда встало солнце, и в конце концов дошли до маленькой землянки, засыпанной снегом. Здесь Катерина Ивановна была в прошлом году осенью, здесь надеялась встретить она тех людей, к которым ее послали.

Это была последняя ее надежда. И мы сразу увидели, что надеяться было нечего. Снег вокруг землянки лежал нетронутый. За всю зиму ни один человек не заходил сюда.

Внутри было темно и тесно. Стоять я мог только согнувшись. Нары и железная печурка, набитая снегом, – больше ничего сюда не помещалось. Но дверь закрывалась хорошо. Мы легли на нары и сразу заснули.

Мы спали очень, очень долго, спали по-настоящему в первый раз после того, как покинули аэродром. Мы успели немного обсохнуть, мы согрели своим дыханием маленькую землянку и не так мерзли.

Я несколько раз просыпался, жевал сухари. До чего Катерина Ивановна была горяча!

Двое. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy@nikolai.ru
Можно было, казалось, обжечься, прикоснувшись к ее лицу. Жар сжигал ее.

Когда я проснулся в последний раз, она уже не спала. В землянке было темно, как в могиле, я не видел ее лица, но чувствовал движение ее ресниц.

Она, видимо, дожидалась, когда я проснусь.

– Ты можешь идти? – спросила она.

– Куда?

– На север, через море. Ведь ты хотел идти через море.

По правде сказать, мне хотелось остаться в землянке. Лучше этой землянки нам ничего уже в жизни не найти.

– А ты можешь идти? – спросил я.

– Конечно, могу, – сказала она недовольно.

И, стуча зубами, потому что ее бил озноб, она слезла с нар и распахнула дверь. На дворе была ночь, уже новая ночь, и ночь эта кончалась, – на краю неба, за редкими стволами кривых берез розовела узкая полоса.

И Катерина Ивановна повела меня на север, и я с привычным уже послушанием пошел за нею.

12

И вот мы идем на север, к морю. Солнце сверкает во всех каплях. Катерина Ивановна впереди. Рука ее вытянута. В руке компас с разбитым стеклом – стекло разлетелось при одном из падений.

Передвигая ноги с колыями, перелезая через мелкий сосняк, она внезапно спотыкается. Падает головой в снег. Один из кольев лопается пополам. Треск громок, как выстрел.

И сразу же за деревьями – отдаленный гул человеческих голосов.

Долго, долго лежим мы, не шевелясь. Голоса смолкают, и больше мы их не слышим. Может быть, нам почудилось?

Катерина Ивановна подымается, достает свой нож, начинает мастерить новый кол взамен сломанного. Я стою и смотрю на ее синие маленькие руки, на синеватую сталь ножа. Она больше не держится за нож, когда спит рядом со мной. Но в руки его мне не дает. Впрочем, я ведь его у нее и не прошу...

Новый кол привязан взамен прежнего. Опять она идет впереди, я плетусь за ней. Я уже больше не уговариваю ее остановиться отдохнуть. Я знаю, что это бесполезно. К нашей новой цели – к морю – она теперь стремится с тем же прямолинейным упорством, с каким прежде стремилась к встрече с партизанами.

Все лицо у нее в струпьях. На лбу беспрестанно выступают капельки пота. Однако ей совсем не жарко, несмотря на то, что мартовское солнце жжет всю, несмотря на то что она уже много часов в движении и у нее такой теплый тулуп. Она все зябнет и не может согреться. Я отдал ей свои кожаные рукавицы, подбитые мехом, она надела их поверх своих перчаток, и все-таки у нее зябнут руки.

А я между тем не знаю, как освободить от пота разгоряченное тело. Мокрое белье прилипает к спине, к ногам. Пар валит от меня – вот до чего мне жарко. Я томлюсь от жажды и все время сосу снег.

В лесу просека, прорубленная, как по линейке, бесконечная, – оба конца ее упираются в небо. Катерина Ивановна останавливается, раскладывает на снегу карту.

– Уйдем отсюда, – прошу я. – Зачем ты стала на открытом месте?

Но она молчит и кладет компас на карту. Я знаю, что это дело будет долгое,

Двое. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy@nikolai.ru
однако больше не спорю. Я уже привык ее слушаться.

Компасная стрелка все мне хочет успокоиться, все прыгает. Катерина Ивановна ждет, склонившись, потом перекладывает карту на более ровное место и снова ждет. Так продолжается минут десять. Наконец она начинает понимать, где мы находимся, и объясняет мне.

– Впереди горелый лес. Обойдем его справа. Потом деревня. Также обойдем справа.

Но я только притворяюсь, что смотрю в карту. Мне все равно, я уже окончательно доверился ей, признал полное ее превосходство. Я только одно понял – опять нужно что-то обходить. Идти, идти, идти...

И снова шарканье снега под облепшими колыями, хлюпанье воды в унтах, жажда, сжигающая внутренности, и усталость, погашающая все мысли, чувства, оставляющая одно желание – свалиться в снег.

Горячее солнце движется в мокрых сучьях. И вдруг – звук бегущей под снегом воды, звонкий и нежный. Катерина Ивановна взглядывает на меня, останавливается, освобождает ноги от кольев. Мгновенно и я сбрасываю с плеч груз, с ног колья. Одним движением ноги я обрушиваю в воду толстую рыхлую снеговую корку. Мы садимся на корточки возле образовавшейся дыры и пьем весеннюю черную воду. Катерина Ивановна выпивает несколько горстей и отходит – ей холодно. А я пью, пью и все не могу напиться. Я пью до тех пор, пока холодная вода не переполняет меня. Тогда и мне становится холодно, и я начинаю лязгать зубами...

13

Дорога шла параллельно берегу моря, и нам нужно было перейти ее. Это была наезженная дорога, со следами подков, и шин, и танковых гусениц на льду, дорога, которой пользовались много и часто. Но когда мы вышли на нее, озираясь, она была пустынна. Правда, далеко мы ее просмотреть не могли, так как она заворачивала, и мы видели только то, что было до заворота. По обочине тянулись телеграфные столбы. Катерина Ивановна двигалась не торопясь, внимательно все оглядывала и даже вместо того, чтобы сразу пересечь дорогу, пошла по ней; я шел за Катериной Ивановной.

Мы услышали гул мотора, шипение шин, разбрызгивающих мелкие лужи, и, раньше чем мы успели что-нибудь предпринять, из-за поворота выскочил грузовик. Я увидел немецких солдат, едущих стоя; все их лица были обращены прямо к нам.

Я рванул в сторону леса, было нестерпимо стоять в ярко-синем летнем комбинезоне на виду у шестерых немцев – местные жители в комбинезонах не ходят. Но Катерина Ивановна взяла меня за руку.

– Поздно, – сказала она.

Я остановился. Я сам понимал, что поздно. Уверенный, что пришел конец, я остановился рядом с Катериной Ивановной на краю дороги и стал смотреть навстречу приближающемуся грузовику.

Катерина Ивановна засунула руку за пазуху и вытащила гранату Ф-1. Руку с гранатой отвела за спину. Я вспомнил, что у нее есть и вторая граната.

– Дай мне гранату, – сказал я.

Она искоса посмотрела на меня снизу вверх светлыми, отражающими небо и солнце глазами.

– Ты мне не веришь, – сказал я. – Ты не смеешь мне не верить.

– Я тебе верю, – ответила она.

Но и не подумала дать мне гранату.

Она мне верила, но полагала, что я не в состоянии толково распорядиться оружием. И неожиданно для себя я пришел в бешенство.

– Дай гранату! – с яростью сказал я.

Она опять искоса взглянула на меня светлыми глазами, быстро порылась за пазухой и всунула мне в руку гранату.

Грузовик катился, увеличиваясь, потряхивая кузовом. Я ждал его не двигаясь, не мигая, чувствуя, как кровь стучит у меня в висках. Осталось всего несколько секунд.

И вдруг, метрах в пятидесяти от нас, он остановился, резко затормозил. Солдаты попрыгали на дорогу. Я ждал не этого и потерялся.

А они между тем подошли к покосившемуся телеграфному столбу. Движения их были неторопливы, я слышал спокойные голоса. Столб держался только потому, что запутался верхушкой в ветвях сосны. Провода были порваны. Солдаты навалились на столб и принялись подымать его, звеня проводами. Это были связисты, починавшие линию.

Они видели нас, они не могли нас не видеть, но смотрели на нас равнодушно, как на снег и на сосны.

Катерина Ивановна легонько толкнула меня и лениво пошла в лес по другую сторону дороги. Я пошел за нею еще ленивее. Потом мы побежали.

А гранату я ей не отдал. Я спрятал гранату себе в карман.

14

Нас опять охватило такое возбуждение, что мы забыли об усталости и шли очень быстро. Здесь, ближе к морю, лес был редок, с большими порубками, нам то и дело приходилось перелезать через канавы, через плетни, обходить поселки. Когда-то это был довольно населенный край, но сейчас он словно вымер. Поселки стояли пустые. Только два заметили мы дымок над крышами. Мы чуть было не наткнулись на женщину, которая тащила хворост из лесу, но вовремя легли, и она нас не видела. День подходил к концу, солнце ползло вниз.

Катерина Ивановна часто оборачивалась и, поджидая, глядела мне в лицо. Ей, кажется, хотелось поговорить. Но сквозь опухшие, заросшие болячками губы ее вырывался один только звук:

– В-в-в...

Она передергивала плечами. Ее бил озноб.

И вдруг впереди мы увидели море.

Мы остановились на высоком лесном обрыве, под нами зеленели вершины елок. За этими вершинами простиралась пустынная ледяная равнина, залитая лилово-багровым светом, потому что солнце висело уже над самым горизонтом.

Мы решили подождать темноты. Я сел на широкий сосновый пень, и она присела рядом со мной. Она прислонилась ко мне, и я снова почувствовал, как она горяча и как ее трясет.

– В-вот, в-вовсе не холодно, – уговаривала она себя вполголоса. – В-вот, не холодно в-вовсе.

Потом вдруг сказала:

– Я тебе верю, не думай. Я тебе только в первый день не верила. Не сердись. Не сердись?

– Нет, – сказал я.

– Я тогда на озере нарочно перчатку уронила, чтобы посмотреть, что ты будешь делать, когда останешься один. Если бы ты бросил орден, или стал бы уничтожать документы, или сорвал бы петлицы, я бы тебя убила...

Я ничего не сказал, и она, видимо, подумала, что я рассердился. А ей не хотелось, чтобы я сердился, она словно растаяла – впервые за столько дней.

– А у меня дочка есть, – сказала она. – Третий годок уже. Зовут Тamarочкой.

– Где она? – спросил я.

– В Вологду увезена, у старшей моей сестры.

– А где муж?

– Воюет. Не знаю, жив ли. С осени писем нет.

Мы помолчали.

– А ты женат? – спросила она.

– Был женат очень долго. Разведенный.

И вдруг, неизвестно с какой стати, совершенно неожиданно для себя самого, я рассказал ей всю мою историю, которую никогда никому не рассказывал: как мне изменила жена и как я ее бросил. Катерина Ивановна слушала меня с той внимательной серьезностью, с какой женщины слушают обо всем, что связано с семьей и любовью.

– А она любила тебя, когда ты ее бросил? – спросила она.

– Очень, – сказал я.

– А ты ее любишь?

– Тогда я думал, что ненавижу.

– А сейчас?

Я колебался.

– Не знаю... – сказал я.

– Неправда. Скажи: «я ее люблю!»

– Я ее люблю, – сказал я.

Темнело. Равнина замерзшего моря за вершинами елей стала темно-багровой на закате. Я замолчал, Катерина Ивановна замолчала тоже. Темная, поникшая, она дрожала.

– Ты не можешь идти, – сказал я.

– Могу, – ответила она. – В-вот, не холодно в-во-все...

15

И она пошла.

Было совсем темно, когда мы, хватаясь за стволы деревьев, спустились с крутого откоса и вышли на плоский берег.

Дважды спотыкались мы о телефонные провода, проложенные по снегу. Потом мы упали в окоп, вырытый в полный профиль, в окоп, который, несомненно, часто навещали, потому что он был очищен от снега. Однако в окопе никого не было и никто нас не видел. Падая, мы оба сломали наши колья, и их пришлось бросить. Кое-как, утопая в снегу по грудь, добрались мы до проволочного ограждения, тянувшегося вдоль берега. Оно оказалось почти занесенным снегом, и мы попросту переползли, перекатились через него.

Мы вышли на лед и пошли прочь от берега. Весь снег смело ветром, и лед был почти голый. Сначала нам показалось, что идти очень легко, и мы пошли быстро, взяв направление на северо-запад.

Здесь было гораздо светлее, чем в лесу, – сияли звезды, лед блестел. И лесистый

Двое. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy.niko1ai.ru
берег, покинутый нами, все был виден, сколько мы ни шагали. Это нас раздражало, нам хотелось, чтобы он скорее пропал, и мы все ускоряли шаги. Но время проходило, двигались звезды, мы шли и шли, а он все стоял за нами темной зубчатой полосой.

Между тем идти было вовсе не так легко, как показалось в первую минуту. Лед днем таял сверху, и на нем образовались просторные лужи. Эти лужи покрылись ночью тоненькой коркой, которая проламывалась под нами, и ноги наши были все время в воде. Мои меховые унты набухли, обледенели и не давали мне идти. У Катерины Ивановны звонко хлюпало в башмаках при каждом шаге. Да и одеревенели мы от усталости, и не было никаких сил подымать тяжкие мокрые ноги. Мы уже давно не шли, а снова еле тащились.

Катерина Ивановна моя стала отставать. Вначале она, как всегда, шла впереди, и я еле поспевал за нею, а теперь она мало-помалу поравнялась со мной, и мне раза два пришлось даже поджидать ее.

– Натерла ногу? – спросил я.

Я понимал, что мокрым башмаком немудрено натереть ногу. Но она ничего не ответила. Она как будто даже не поняла и не слыхала меня. И я подумал, что она опять, вероятно, не сознает, что происходит.

Однако я не вполне был прав. На оставленном нами берегу вдруг возник яркий свет, и по льду, по огромному простору замерзшего моря, скользнул синий прозрачный луч. Немецкий прожектор оглядывал подступы к берегу. Катерина Ивановна подошла ко мне, взяла у меня парашют и накрыла им нас обоих.

Луч двигался медленно, часто останавливался и отступал, зажигая лед ярким театральным блеском. Мало-помалу он приближался к нам. Накрытые парашютом, мы неподвижно стояли и следили за лучом. Когда он подошел совсем близко, мы легли.

На мгновение он обдал и нас своим струящимся светом. Мы перестали дышать. Он ушел от нас вправо, потом стал возвращаться. Возвращался он постепенно, неторопливо, как бы нарочно мучая нас. Потом опять озарил нас и застыл.

Я уже потерял надежду, что он когда-нибудь двинется. Немец, несомненно, видел нас и старался отгадать, что мы такое. Но наша неподвижность обманула его. И луч ушел.

Долго-долго шарил он по льду. Затем вдруг поднялся, стал ощупывать небо, туманя звезды и вися над нами, как меч. А мы все лежали, прижавшись друг к другу.

Он исчез так же внезапно, как возник. Тьма, окружавшая нас, теперь казалась плотней и неподвижней. Я с мукой подумал о том, что опять нужно идти.

– Ты можешь идти? – спросил я Катерину Ивановну.

По правде сказать, я, как много раз прежде, надеялся, что она ответит: «не могу». Но она встала и пошла.

16

Пока мы лежали, мокрая обувь наша замерзла и заскорузла так, что идти стало невозможно. Мы брели, шатаясь, преодолевая боль, хватаясь друг за друга. Мы часто останавливались – то я, то она, – чтобы передохнуть. Поджидали один другого. Если бы не она, я давно лег бы и прекратил борьбу. Но она все еще брела, и я брел за нею.

Я чувствовал, что большая часть ночи уже миновала, и понимал, что, идя так медленно, мы до рассвета никуда не придем. Еле передвигая ноги, я бессильно шагал, прислушиваясь к бормотанию и дрожи Катерины Ивановны.

Бормотанье ее убеждало меня, что она в бреду, и я нисколько не удивился, когда она вдруг села на лед, разулась, швырнула в сторону свои башмаки с портянками из обрывков парашюта и осталась босая. Разувшись, она вскочила на ноги и пошла, – пошла легко и быстро. Я сразу отстал от нее.

Стараясь не потерять ее в темноте, я заковылял как мог быстрее. Смотрю – она

Двое. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy Nikolai.ru стоит, поджидает меня, подпрыгивая. Подойдя к ней, я заметил, что она шевелит губами, пытается мне что-то сказать. Я понял, что она потеряла голос, и прислушался.

– Так легче, – шептала она. – И совсем не холодно.

Тогда я сел, снял свои унты и бросил их. И мы оба пошли босиком.

Действительно, было не холодно. Так быстро мы шли. Удивительно легко идти босиком по льду, если не останавливаться. Я понимал, что остановиться уже невозможно, и шел, шел, шел за нею по жесткому, обжигающему льду. Я шел, и у меня звенело в ушах, и все кружилось перед глазами.

Мы шли всю ночь напролет, и начался рассвет, и в сером этом рассвете мы увидели берег – не тот, который оставили, а новый.

Мы дошли бы, если бы вдруг она не упала.

17

Она упала на спину со всего роста и лежала в утренних сумерках, неподвижная, коротенькая, выставив детские маленькие посинелые пятки. Шерстяной платок ее сбился на сторону, и светлые волосы, разметавшись, лежали в снегу.

Я наклонился над нею. Она была жива и пылала в жару. Я взял ее за руку, посадил. Но чуть я отпустил ее, она опять упала на спину. Светлые глаза ее были открыты, но, казалось, ничего не видели. Я был уверен, что она не узнает меня.

И вдруг опухшие растрескавшиеся губы ее слегка шевельнулись.

Я нагнулся и подставил ухо к ее губам.

И услышал:

– Иди...

Она, которая вела меня, малодушного, столько дней и ночей, которая вывела меня, теперь велела мне идти одному.

Я хотел нести ее, но не мог даже поднять. Я попробовал волочить ее, но проволока не больше пяти метров. Тогда я снял с себя шлем и сунул в него ее ноги. Я обмотал ее ноги парашютом. Потом я сел рядом с нею на лед, поджав под себя босые ступни, и стал смотреть, как над замерзшим морем подымается солнце.

Меня схватили люди в белых халатах. Они подкрались незаметно. Это были краснофлотцы, охранявшие берег.

Там, на берегу, в землянке, она умерла от воспаления легких. А я, как видите. Жив.

1942 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://chukovskiy Nikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!